

Стоило принцессе Чанхуа лишь протянуть руку к изящным побегам небесной травы, как её оттолкнула мощная волна духовной силы — даже прикосновения не понадобилось.

Духовная энергия, густая и стремительная, развернулась, словно порыв ветра; снег с карнизов храма осыпался вниз, вся гора будто дрогнула, а сияние силы разлилось по небесам и земле.

В главном зале у подножия Облачной Вершины сидели старейшины рода бессмертных и представители всех кланов, прибывшие на церемонию поклонения Луне.

И этот всплеск духовной энергии докатился до самого зала.

На почётном месте, беседуя с несколькими седовласами, сидел Сянь Хуан. Его движения вдруг замерли. На обычно спокойном, холодном лице, подобном драгоценному нефриту, проступила напряжённость. Он резко поднялся, собираясь выйти наружу.

Один из старейшин встревоженно спросил:

— Что случилось?

Сянь Хуан сложил руки в почтительном жесте:

— Защитная формация, установленная в моём дворце, была нарушена. Мне нужно немедленно проверить. Я скоро вернусь.

— Ваш дворец — на самой вершине Облачной Вершины. Кто осмелится пойти на такое?

Но Сянь Хуан даже не удосужился ответить — он развернулся и стремительно покинул зал.

Все гости — а их было немало — видели, как возвышенный бессмертный покидает своё почётное место. Взгляды наполнились сомнением и шёпотом: неужели у бессмертного рода случилась беда?

Старейшина произнёс, тяжело вздохнув:

— Я знаю характер Повелителя лучше всех. Если бы дело не было поистине серьёзным, он бы ни за что не ушёл вот так. Значит, случилось нечто серьёзное.

Снег на бессмертных горах не таял круглый год, холод был здесь вечным.

А под свесом крыши маленький слуга почти припал на колени:

— Принцесса... принцесса, прошу вас... пожалуйста, остановитесь...

Когда Сянь Хуан поспешил к себе в покои, он увидел только, как синяя, острая, словно лезвие, духовная энергия обрушивается на защитную формацию у окна. Хотя его собственная сердечная мантра поддерживала купол, защищающий крошечную травку от прямого вреда, столкновение двух сил всё равно могло отозваться внутри — и когда один из зелёных стебельков упал на пол, этот всплеск цвета обжёг ему глаза.

— Стой! — голос, насыщенный глубоким даосским могуществом, отозвался под карнизами

дворца.

Чанхуа ощутила, как на неё несётся резкий поток истинной силы; ей пришлось поднять руку, чтобы отразить удар, но сопротивления хватило лишь на миг — мощь Повелителя Бессмертных вынесла её назад. Она отступила несколько шагов, спиной врезавшись в колонну. Боль пронзила её так, что она едва не вскрикнула.

А Сянь Хуан уже был там.

Чанхуа подняла голову, в голосе дрогнула обида:

— Брат Хуан...

Но он даже не взглянул на неё — лишь молча подошёл к окну и стал проверять состояние небесной травы. От него всё ещё веяло холодом дальних снегов, будто морозная вьюга пришла вместе с ним, но жест его руки, наполненной духовной силой, был удивительно мягким.

Малышка-трава, перепуганная недавним всплеском силы, дрожала тонкими побегими.

Сянь Хуан осторожно коснулся её листьев, тихо сказал:

— Не бойся. Теперь всё хорошо.

Эта сцена будто иглой кольнула глаза принцессы. Говорили, что Повелитель Бессмертных холоднее всех на свете, недоступный, как луна над вершинами, — и именно таким он ей нравился. Она всегда считала, что он одинаков со всеми, что его холод равнодушен ко всем живым, — но сейчас стало ясно: вовсе нет. Совсем нет.

Чанхуа шагнула ближе:

— Братец...

— Принцесса, — перебил её Хуан. Сегодня, ради церемонии, он был одет в парчовую одежду, отороченную тончайшими золотыми облаками, — великолепный и недостижимый. — Я с детства живу в горах, всё мирское давно оставил позади. Не стоит больше называть меня “братцем”.

Чанхуа заморгала, будто не веря услышанному. С детства она звала его так... почему же сейчас — нельзя?

Почему?

Неужели... из-за этой травы?

Глаза Чанхуа окрасились красным. С детства избалованная, привыкшая к исполнению желаний, она сорвалась:

— Братец Хуан, ты злишься на меня? Это же просто... просто горшок с травой!

Сянь Хуан резко повернул голову. Его взгляд — впервые за тысячи лет — был по-настоящему ледяным.

У принцессы внутри что-то сжалось; под этим взглядом она неожиданно почувствовала себя виноватой. И, опустив глаза, тихо добавила:

— И потом... я не хотела сделать ей ничего плохого. Просто... матушка заболела, и маленький слуга сказал, что это редчайшая духовная трава... Я лишь хотела взять стебелек, чтобы помочь ей.

У окна, где ещё тлела боль от сломанного побега, тростинка небесной травы дрогнула ещё раз, будто вспоминая недавний испуг.

Взгляд Хуана скользнул к маленькому слуге.

Тот рухнул на колени:

— Святой Владыка... это я виноват. Возился с подготовкой дворца, отвлёкся... и позволил принцессе войти. Прошу наказать меня.

Лицо Сянь Хуана оставалось холодным, голос — бесстрастным:

— Сам ступай за наказанием.

Маленький слуга поспешно склонился ещё ниже, торопливо соглашаясь.

Принцесса Чанхуа недовольно вскинулась:

— Братец, почему ты наказываешь его? Если его вина в том, что он впустил меня, то лучше накажи сразу меня!

Сянь Хуан молча смотрел на маленькую травку у окна — её стебельки всё ещё были слегка прижаты, опавшие от страха. Весь его холод, весь морозный покров, как будто не подтаял ни на каплю. Он не отвечал.

Молчание длилось слишком долго.

В сердце принцессы промелькнула радость: значит, всё-таки небезразличен. Значит, ему просто жалко наказывать её.

Но прозвучало совсем иное:

— Сегодня — день великой церемонии бессмертных. Гости из всех кланов прибыли издалека, и каждый гость — дорогой. А вы, Ваше Высочество, принцесса клана демонов. Даже если и случилась оплошность, решать должен Его Величество, Владыка Демонов. У меня нет права вершить здесь суд.

Принцесса замерла.

Что... это значит?

Всё-таки он молчал не потому, что не хотел её наказывать?

А потому что... не может? Из-за торжества? Из-за её титула?

Сянь закончил накладывать на небесную траву успокаивающее заклинание, только после этого повернулся к Чанхуа:

— Вашу матушку постиг недуг. Я распоряжусь, чтобы мои люди приготовили редкие лекарства и доставили их. Но эта трава... выращенная мной... — его взгляд стал твёрдым, — её ты не вправе трогать.

Чанхуа подняла взгляд.

Говорили, что нынешний Повелитель Бессмертных — мечник, способный одним взмахом уничтожить злых духов, и демонов, и богов; что его даосские искусства непостижимы. Но лишь сейчас она воочию увидела ту сокрушительную, острую силу, которая скрывалась за его холодной красотой.

И лишь теперь поняла: в сердце бессмертного её значимость... меньше, чем у простой травинки.

...

Ночь.

Днём перепуганный Цзянь Чжэнь свернулся в цветочном горшке, закрывшись и погрузившись в тихое восстановление.

На горе бессмертных круглый год лежал снег, воздух был холоден и сух. А после того, как он впитал Жемчуг Созерцания, в нём поселился ещё и её холод — теперь он стал куда более восприимчив к морозу, чем прежде. С наступлением сумерек весь стебелёк сжался в плотный комочек.

И вдруг на кореньки упали тёплые капли.

Полусонный Цзянь Чжэнь ощутил нежное прикосновение влаги — и полностью очнулся.

Вокруг — знакомый запах сандала, свойственный дворцам на горе бессмертных.

Но едва он успел открыть «глаза» — как почувствовал резкий запах крови. Маленькая травка встрепенула листьями, испуганно посмотрев на Повелителя, который в этот момент как раз опускал рукав, скрывая свежую рану.

Увидев, что он проснулся, холодное лицо Сянь Хуана смягчилось, на нём промелькнула почти незаметная нежность:

— Проснулся?

Маленькие листочки едва заметно качнулись, кивая, и с любопытством уставились на него.

Хуан, кажется, без труда понял его невысказанный вопрос:

— Ты сегодня сильно перепугался, душа всё ещё нестабильна. Кровь из моего сердца — лучшее из всех живых питаний. Скажи... тебе стало легче?

Цзянь Чжэнь, который всего лишь недоумевал, после этих слов весь оцепенел.

Из... из сердца... кровь из сердца?!

Листочки Цзянь Чжэня резко взметнулись, он встревоженно затрепетал, глядя на Хуана почти испуганно.

Тот лишь мягко улыбнулся:

— Пустяки. Кровь из сердца достать хлопотно, но за несколько дней всё восстановится. Сегодня я не смог уберечь тебя — это моя вина. Моя кровь поможет тебе обрести человеческий облик. Мне даже любопытно... каким ты станешь. Ты точно будешь очень красивым.

Цзянь Чжэнь замолчал.

Красивым? Его облик — маленький дух, похожий на круглого комочка. Где уж там до красоты...

Сянь Хуан продолжил, голос его стал особенно ласковым:

— Когда ты преобразишься, я позволю тебе остаться здесь. Отдам тебе ближайшие покои — те, что рядом. Как и сейчас... ты всегда будешь при мне. Хорошо?

Принять человеческий облик...

Побеги маленькой травки дёрнулись.

Цзянь Чжэнь никогда толком об этом не думал. Сейчас, будучи духовным существом, он не может разделяться — значит, однажды он не сможет жить сразу в двух местах, как привык. Выходит... ему придётся выбирать?

Он никогда не задумывался об этом раньше.

Последние сто лет он мечтал лишь о том, чтобы стать человеком, обрести свободу: выйти из горшка, увидеть мир, уметь защитить себя... и чтобы больше никто не рвал его стебельки — это ведь ужасно больно, а он ничего не мог сделать.

Мир вокруг стих, словно всё замерло.

Тёплые пальцы Сянь Хуана коснулись его стебельков. В свете луны голос Верховного Бессмертного стал тихим, почти осторожным:

— Когда придёт время... ты согласишься?

Снег и ветер хлестали за окном. Он ждал ответа — но травка не шелохнулась.

Повелитель наклонился — и увидел, что Цзянь Чжэнь, только что внимательно слушавший, уже свернулся калачиком и провалился в глубокий сон. Он на миг замер, потом устало, но нежно улыбнулся.

Ну и пусть. До этого ещё далеко.

Сон был долгим и глубоким.

Когда Цзянь Чжэнь вновь очнулся, всё тело окутывало приятное тепло. Сквозь карниз пробивались солнечные лучи — по одному этому ощущению он сразу понял: он в главном дворце Мира Демонов.

Смутные голоса эхом доносились откуда-то рядом.

Янь Цзи говорила:

— Ваше Величество, северные королевские кланы прибыли в Магический Город вместе с семьями. Сейчас они уже в Зале Ханьшуй.

Лёгкий, ленивый, и при этом холодный голос Мозун Дажэна прозвучал откуда-то из глубины покоев:

— Всё устроили?

— Да, — ответила Янь Цзи. — Скоро начнётся наш ежегодный праздник Юлань. Жильё для всех знатных гостей подготовлено. Магический Город давненько не был таким оживлённым.

Услышав эти слова, маленькая травка на подоконнике вздрогнула всем стебельком.

Вчерашнее, пережитое на горе бессмертных, всплыло перед мысленным взором так ясно, будто это происходило снова. И пусть стебельки уже не болели... повторять этот кошмар ему совершенно не хотелось!!

Голос Мозун Дажэна донёсся издалека:

— Хм. Сегодня мне нужно присутствовать на заседании совета. Гостей в Зале Ханьшуй — прими ты.

Янь Цзи откликнулась:

— Поняла!

Травинка на подоконнике, услышав, что Мозун Дажэн намерен уйти, словно погрузилась в отчаяние: её листочки безвольно опустились, в ней пряталась тихая, робкая грусть. Она вся сжалась в себе. И именно в этот момент голос Владыки снова раздался:

— Представители королевских родов могут свободно передвигаться по Массакрусу... но никто не вправе входить сюда.

Янь Цзи, услышав это, обеспокоенно сказала:

— Говорят, в этом году некоторые наследники привезли с собой немало сопровождающих. Цветники у покоев Повелителя — известны на всю округу. А кое-которые принцессы и вовсе притащили с собой молодых, шумных детей. Боюсь... если кто-то вдруг прокрадётся сюда... всё же они из королевской крови. Тогда могут возникнуть... затруднения...

Пока она говорила, маленькая травинка на подоконнике тихо вздохнула.

Оказывается, подобное есть и у демонов, и у бессмертных: где бы ни находились — у привилегированных всегда свои правила. От таких вещей мир не меняется...

Она задумалась — и вдруг...

Её побег, тихо колышущуюся на сквозняке, коснулся прохладный кончик пальца. Приблизился знакомый, холодный, почти безэмоциональный голос Владыки:

— Вот как?

Янь Цзи, стоявшая ниже ступеней, видела лишь тёмный силуэт мужчины. Голос Мозун Дажэна звучал томно-нежно, с его привычной ленцой, но от этих интонаций пробирал ледяной страх:

— Передай мой приказ: если кто-то осмелится проникнуть в мои покои... и хотя бы прикоснётся к выращиваемому мной духовному растению — пусть даже сломает одну-единственную травинку... не важно, кто он и какой крови... казнить на месте.

По спине Янь Цзи медленно пробежался холодок.

А неподалёку мужчина стоял у окна — и мягко, бережно перебирал тонкие побеги той самой травинки. Солнечный свет скользил по его плечам, но не дарил ни капли тепла. На безупречном лице появилась лёгкая улыбка.

— Поняла?

Янь Цзи застыла, а потом поспешно склонилась:

— Слушаюсь, Владыка!

Но оцепенела не только она — даже маленькая травинка рядом с Дажэном будто застыла от неожиданности. Она никак не могла ожидать... такого решения.

Побег дрогнул, когда его снова легонько ткнули прохладные пальцы.

Маленькая зелёная травинка приподняла свою крошечную «головку». Дажэн достал камушек и положил его в горшок:

— Этот камень запоминает всех, кто к тебе прикасался. Сиди здесь спокойно. Возможно, меня не будет два дня. Если кто-то посмеет тебя обидеть — запомни его камнем. Когда вернусь — пожалуйся мне. Поняла?

Цзянь Чжэнь чуть встряхнул листиками, побеги задрожали. Он не прижался к нему, не стал ласкаться — ну что он о ней думает? Разве он такой злопамятный и любит ябедничать?

Мозун Дажэн лениво протянул:

— Что, не хочешь? Если он не нужен — я заберу.

Побеги травинки дёрнулись сами собой, будто желая вернуть себе камень, но тут она столкнулась с его улыбающимися, алыми глазами.

Цзянь Чжэнь:

«...»

А можно ли этим камнем прямо сейчас запомнить... вот этого большого, наглого злодея, который её обижает?!

<http://bllate.org/book/12641/1121215>